

БАШКИРСКАЯ РУСАЛКА.

Въ горной области Урала живеть полукочевой народъ. Онъ просилъ у Царя Иоанна Грознаго защиты и подданства: съ востока Сибирскіе Князья, и съ юга Монгольскія и Татарскія орды утомили зажиточныхъ скотоводцевъ непрестанными набѣгами. На сѣверъ однакоже и на сѣверо-востокъ сами они дѣлали набѣги и уводили себѣ оттуда, отъ племенъ Чудскихъ, женъ. Откуда народъ этотъ взялся — не известно; вѣра его нынѣ мусульманская; языкъ нарѣчія Турецкаго или Татарскаго; произношеніе болѣе гортанное, Монгольское; лица, у мужчинъ, что-то среднее между лицемъ Казанскаго Татарина и Заяицкаго Кайсака; у женщинъ, между лицемъ Кайсачки и Самоѣдки; словомъ, здѣсь, кажется, видна смѣсь племенъ: Татарскаго, Монгольского и Чудскаго. Народъ этотъ называетъ самъ себя: Башкуртъ; ученые наши тѣшились надъ этимъ словомъ, ломали и переводили

его всячески: главный волкъ или воръ(*), главный пчеловодъ, отдѣльное племя или владѣніе, и прочее. Сами Башкиры говорять, что они происходятъ отъ Ногаевъ или Ногайцевъ, отдѣлившись отъ нихъ по усобицамъ; иные помнятъ, по преданію, какое-то родство съ Бурятами; въ сказкахъ и пѣсняхъ ихъ поминается родоначальникъ дивный Чингисъ-Ханъ, коего предокъ рожденъ дѣвственницею отъ наитія солнечнаго луча, а самъ онъ, Чингисъ, вдовою Алангу, которую также посѣтилъ лучъ солнца, и возвратился отъ нея сѣрымъ волкомъ съ конскою гривою. Народъ Башкуртъ раздѣлился, съ незапамятныхъ временъ, на племена, или, какъ ихъ называютъ у насъ, на волости; у

(*) Люблю я этихъ переводчиковъ, которые все знаютъ и все толкуютъ. На здѣшнемъ нарѣчіи курдъ или куртъ никогда не означало вора. Тутъ нельзя не вспомнить длиннаго разсужденія, въ которомъ одинъ ученый нашъ старался доказать, что Араль никакъ не можетъ означать островитаго моря или моря острова, потому, что островъ по Турецки Ада, а не Араль. Очень похвально знать по Турецки, но непохвально спорить положительно, опровергать и даже переиначивать то, что написали другіе, если не знаешь вовсе того языка или нарѣчію, къ коему спорное слово относится. Кайсаки, Хивинцы и Туркмены вовсе не знаютъ слова Ада, въ значеніи острова; собственно островъ у нихъ утрайу; а берегъ, материкъ, суша, островъ, словомъ земля, въ противуположность воды, дѣйствительно называется Араль. По этому Араль-Дынгизы, или Араль-Дингизъ, скорѣе можетъ значить островное, береговое море, чѣмъ *междорѣчье*, какъ утверждаетъ строгій нашъ законникъ; тѣмъ болѣе, что послѣднее толкованіе, по-свойству не Турецкаго, а здѣшняго, Татарскаго языка, нельзя допустить вовсе.

каждой волости свой *Уранъ*, откликъ; своя *тамга*, рукоприкладный знакъ; свое *дерево* и своя *птица*, розданныя, какъ вѣрить народъ, самимъ Чингисъ-Ханомъ. Ученые бытописатели наши ищутъ въ Башкирахъ предковъ Маджаръ, нынѣшнихъ Венгровъ; теперь же народъ Башкуртъ, составляя обще съ Мещеряками казачье войско болѣе чѣмъ въ 200,000 человѣкъ, разселился отъ Уральского хребта до Яика, большаго Ика, Бѣлой и Касны; мѣстами еще кочуетъ лѣтомъ, и живеть однимъ скотоводствомъ, промышляетъ и звѣриною ловлею, пить кумысъ и ъсть круть; мѣстами, поселился уже осѣдлыми деревнями, разводить пчель, сѣть хлѣбъ, и одеждю и обычаями своими все болѣе и болѣе сливается съ сосѣдними Татарами.

Но у кочевыхъ Башкировъ осталось еще много своихъ повѣрій и преданій: злой духъ *Дью-Пари* (дивъ и пери), принимающій образъ человѣка, кошки, собаки, и особенно барса и тигра; иногда у него грива бываетъ золотая; знаменитѣйшіе *батыри* Башкирскіе прославились битвами съ этимъ

чудовищемъ, которое, нападая и защищаясь, и особенно похищая дѣвокъ, перекидывается и принимаетъ разные образы; если же Дью-Пари является въ образѣ человѣка, батыря, то можетъ быть раненъ, какъ Ахилль, только въ пятку. Лѣса, дебри, горы, воды и пещеры населены лѣшими, водяными, Русалками, извѣстными вообще подъ именемъ *Джинъ*, духъ: каждою горою, каждымъ озеромъ обладаетъ такой Джинъ, добрый или злой, но все это разсказываетъ вамъ Башкиръ стихами, или напѣваетъ вторя *чибызгъ нь, кураю*, въ прошломъ времени; нынѣ безплотныхъ жильцовъ и жилицъ этихъ осталось не много; златой вѣкъ, какъ всюду, такъ и здѣсь, ушелъ, промчался, — остались однѣ воспоминанія!

Одна изъ знаменитѣйшихъ пещеръ въ Башкиріи, это Бѣльская, или Шуллюганъ-таши. Ее смотрѣли и описывали Рычковъ и Лепехинъ. Она лежить на правомъ берегу Акъ-Идыля, рѣки Бѣлой, въ 12—15 верстахъ отъ Вознесенского (Г. Бекетова) завода, на бывшей Ногайской

дорогъ, въ землѣ Бурзянской волости. Но Рычковъ безъ сомнѣнія очень ошибался, когда полагалъ, что вертепъ этотъ дѣло рукъ человѣческихъ. Гора возвышается саженей на 80; пещера идетъ снизу вверхъ, длиною саженей въ полтораста или болѣе, ибо вся еще не изслѣдована, и состоять изъ множества отдѣльныхъ, большихъ и малыхъ пещеръ, связанныхъ переходами, оконцами и трещинами. Подземныя палаты эти шириною отъ двухъ, трехъ и до 12-ти, вышиною, мѣстами, также до 12-ти сажень, между тѣмъ какъ тутъ и тамъ надо пробираться ползкомъ. Известковые капельники образуютъ на полу и на сводахъ дивныя ваянія, подающія Башкирамъ поводъ къ новымъ баснямъ. Тутъ есть ключи, озира, пропасти, подземныя горы, огромные самородные своды, ступенчатыя лѣстницы — погребальный одръ изъ капельника и вокругъ шесть огромныхъ шандаловъ со свѣчами, изъ той же известковой накипи; въ стѣнахъ и сводахъ есть отверстія, ведущія въ верхніе и боковые ярусы пещеры. Въ подземельѣ

этомъ обитало когда–то особое племя людей, о которомъ рассказываютъ много дивнаго. Тамъ же не рѣдко укрывались разные Джини, Дивы и Дью–Пари. Во время смутъ и возмущеній, Башкиры спасались въ подземельѣ этомъ съ семействами, скотомъ и имуществомъ. Старики рассказываютъ о каменной, здѣсь находящейся собакѣ: это Дивъ, окаменѣвшій въ принятомъ имъ образѣ. Замѣчательно, что каменная собака эта боится плети, что дождевые облака ей подвластны, и собака не можетъ снести ста ударовъ плетью; она издаетъ глухой вой, и обильный дождь окропляетъ окрестность.

Верстахъ въ трехъ отъ пещеры, есть небольшое озеро Ялки–кичканъ, конской выходъ или выгонъ. Озеро это прибываетъ и убываетъ непостоянно; оно было встарину жильемъ и царствомъ могучаго падишаха водяныхъ; онъ–то наградилъ смѣлаго Кунгрбая, Башкира Бурзенской или Усергенской волости, косякомъ лошадей, выплывшихъ изъ этого озера, вслѣдъ за безстрашнымъ наездникомъ, пустившимся

вплавь на знаменитомъ жеребцѣ своеемъ, черезъ неприступную для другихъ пучину. Верстахъ въ десяти ниже, найдете озерцо чистѣйшей воды, изъ коего вытекаетъ рѣчка Шуллюганъ и впадаетъ въ Бѣлую. Въ этой рѣчкѣ найдень хомутъ съ лошади, украденной и утопленной преслѣдуемымъ воромъ въ нагорномъ озерѣ; стало быть, говорятъ Башкиры, озира эти сообщаются подъ землею.

Есть или была еще въ другомъ мѣстѣ въ Башкиріи пещера, или лучше сказать провалъ, котловина, изъ которой, когда–то, вода подымалась по временамъ чернымъ смерчемъ; это было каждый разъ предзнаменованіемъ общаго бѣдствія: вода вскорѣ упадала опять въ уровень съ землею; смѣлые ловцы, пускаясь сюда за медвѣдями, погружали въ пучину высочайшія сосны и не доставали дна; наконецъ вода исчезала, ямина просыхала и о полуночи выбѣгала изъ нея чернобурая лиса; этотъ звѣрь или диво приносилъ съ собою бѣду, бичъ небесный, гибель, и разносиль ее по землѣ: моръ, голодъ, палы,

пожары, засуху, войны и усобицы — все это выносила съ собою чернобурая зловѣщая лиса. Смѣлый звѣроловъ подстерегъ ее у самаго выхода и пустилъ въ нее въ одинъ мигъ, разобравъ ихъ по пальцамъ и въ зубы, двѣнадцать стрѣль; за каждою стрѣлою оборотень перекидывался то собакой, то кошкой, то выдрой, то розсамахой, и наконецъ барсомъ и юлбарсомъ, то есть лютымъ, полосатымъ тигромъ; батырь наступалъ все смѣлѣ да смѣлѣ, поражалъ его стрѣлами разъ въ разъ, и наконецъ, заставивъ отчаяннаго Дью—пари принять послѣдній, человѣческій образъ, въ латахъ, шишакѣ, съ огромнымъ ободу—острымъ мечемъ, поразилъ врага своего въ лѣвую пяту, и спалилъ трупъ, отъ котораго пошелъ смрадъ и паръ коромысломъ, въ жерло бездонной котловины. Съ тѣхъ поръ въ Башкирии нѣть и мятежей.

Пещера Муйнакъ—ташъ, также на Бѣлой, не менѣе знаменита. Въ ней есть огромныя палаты до 20 саж. вышины и до 60 саж. длины. Въ пещерѣ Тирмена—тау

слышенъ вѣчный подземный гуль, какъ отъ низвергающагося водопада: это жилище Дью-Паріевъ, которые день и ночь дуютъ огромными мѣхами и куютъ стопудовыми молотами. Въ подошву Змѣиной горы, Зилянъ-тау, ввергается, протекши не болѣе полуверсты, подземельная рѣчка и пропадаетъ: она, съ незапамятныхъ временъ, пошла къ шайтану въ кабалу, жернова ворочать.

На рѣчкѣ Шашнякѣ есть скала Тауч; въ отвѣсѣ скалы этой есть небольшое отверстіе, но никто не знаетъ куда оно ведеть; края его обтерты, будто какой нибудь жилецъ ходить туда и оттуда; по ночамъ не рѣдко виднѣется огонекъ, и Башкиры разсказываютъ между прочимъ, что два духа вылетѣли однажды изъ пещеры этой, ухватили Башкира съ сѣнокосу подъ руки, понесли его по воздуху, и хотѣли втащить въ узкое отверстіе; но тотъ былъ широкъ въ плечахъ, да притомъ сталъ читать молитву изъ корана; явился изнутри пещеры третій духъ и сказалъ товарищамъ своимъ: бросьте его;

начто вы съ поганымъ связались — и Башкиръ полетѣль на дно пропасти, въ рѣчку Шашнякъ, выплылъ на берегъ, и отдохнувши разсказалъ со страхомъ о приключеніи своемъ.

Не совсѣмъ мало и теперь еще въ Башкиріи древняго оружія, особенно кольчугъ, панцырей и шлемовъ. Они зашли сюда въ незапамятныя времена, изъ средней Азіи. Кольчугу Башкиры охотно надѣваютъ на алый, суконный чапанъ, подпоясываютъ ремнемъ, на которомъ висить лукъ въ кожаномъ, раскрашенномъ на лучникѣ, и такой же колчанъ со стрѣлами, и украшаютъ шлемъ свой перышками, или надѣваютъ широкую, развалистую Бурзенскую шапку, съ алымъ вирхомъ и широкими, приподнятыми полями изъ пушистой лисы — такой воинъ, на бѣлой, плотной, малорослой лошади своей, олицетворяетъ передъ вами Средніе вѣка.

Нынѣшнія Башкирскія пѣсни состоять изъ отрывистыхъ четырестаицій, въ которыхъ обыкновенно два первые стиха

заключаютъ въ себѣ картину, басню, притчу, а два послѣдніе примѣненіе, сравненіе съ сущностію. Но есть нѣсколько старинныхъ, батырскихъ пѣсень, есть и сказки, преданія, которыя такъ между собою перемѣшаны, что дѣеписаніе и баснословіе смотаны всегда на одинъ общій клубокъ. Напѣвы тоскливы, унылы, протяжны и дики, но пріятны и пѣвучи. Курай или чибызга, дудка или сопѣлка, издающія пріятные сурдинные звуки, держится строго,nota въ ноту, голоса пѣсельника; вторы у нихъ нѣть вовсе, голоса довольно чисты и звучны, но тонки или высоки и очень не обширны. Если же пѣсенникъ умолкаеть, то къ чибызгамъ пристають не рѣдко пѣвчіе особаго роду: они поютъ, какъ говорится здѣсь, *горломъ*. Это въ самомъ дѣлѣ, вещь замѣчательная; набирая въ лёгкія какъ можно болѣе воздуха, пѣвчій этотъ гонить усильно, не переводя духу, воздухъ сквозь дыхательное горло и скважину или горловинку, и вы слышите чистый, ясный, звонкій свистъ, съ трелями и перекатами, какъ отъ

стеклянного колокольчика, только гораздо протяжнѣе. Это не иное что, какъ свистъ дыхательнымъ горломъ — явленіе физіологическое, замѣчательное тѣмъ болѣе, что грудной голосъ вторить этому свисту въ тоже время глухимъ, но довольно внятнымъ, однообразнымъ басомъ. Сильная натуга видна въ это время на лицѣ пѣснника: оно вздувается, краснѣеть, глаза наливаются кровью.

Башкиръ на себя работаетъ не охотно, только по нуждѣ; его дѣло разъѣзжать съ нагайкой и Сибирской винтовкой по горамъ, сунувъ за щеку, вмѣсто жвачки, кусочекъ рубленаго свинцу, изъ котораго зубами округляетъ запасную пульку; его дѣло пить кумызъ, Ѳсть вкусную и жирную кобылятину или баранину, любуясь табункомъ лошадокъ своихъ; валяться, отдыхать, пѣть вполголоса пѣсеньку или слушать вечеркомъ, при огнѣ, чибызгу или разскащика, вспоминая прошлое, батырское время, былое и небывалое. Южные Башкиры воинственны, и ждутъ, какъ воронъ крови, вызова охотниковъ для

поиска въ степь, на заклятыхъ враговъ ихъ, на кайсаковъ; съверные, частію уже перемѣшанные съ Мещеряками, къ оружію не привычны.

Сядемъ и мы на широкую кошму, около пылающей, огромной сосны, стонавшей столько разъ отъ бурнаго порыва вѣтровъ и отстонавшей нынѣ въ послѣдній подъ ударами небольшой Башкирской сѣкиры — закройте передъ собою рукою яркое поломя и глядите на бездну искръ, которыя змѣйками взмывають скорѣе самой мысли, рѣютъ по синему мраку туда и сюда — и гаснуть; вѣтеръ уносить пепель ихъ; развѣваетъ дымъ — и вѣковая сосна въ глазахъ вашихъ отжила, истлѣла, обратилась въ прахъ — и уже не существуетъ! И Зая-Тулякъ быль, и онъ разрушенъ стихіями, и нѣть уже слѣда плоти его и самаго праха; осталось одно только славное имя его, да память по немъ въ *сказкахъ*.

Въ 12-мъ Башкирскомъ Кантонѣ есть мѣсто въ 1800 квадратныхъ верстъ, гдѣ

нѣть ни одного Русскаго, ни Татарина, ни Мещеряка, ни Чувашина, ни Мордвина, ни Вотяка, ни Тептяря, ни Черемисина, нѣть вовсе этихъ такъ называемыхъ припущенниковъ и переселенцевъ, которые, обще съ нашими заводчиками, переполосовали и испятнали ужи почти всю Башкирь, тягаются лѣтъ по тридцати и болѣе съ родовыми жителями, владѣющими землями на вотчинномъ правѣ, и частію уже оттягали сотни тысячъ десятинъ богатѣйшихъ въ мірѣ земель, расквитавшись съ вотчинниками, Башкирами, или десятилѣтнею давностію владѣнія, или полюбовною сдѣлкою, тремя головами сахару, фунтомъ чаю и словеснымъ обѣщаніемъ, не пропускать никого болѣе на ихъ зимли. Земля эта, о которой я говорю, лежить въ Белебейскомъ уѣздѣ и принадлежитъ четыремъ родамъ или волостямъ, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ *Демскихъ* Башкирь, по рѣкѣ Демѣ, или, вѣрнѣе Димѣ. Здѣсь есть степи, луга, рѣчки, озера, горы и лѣса. Демскіе Башкиры еще кочуютъ и даже держать

верблюдовъ; старина ими не совсѣмъ еще забыта.

Тутъ-то, не подалеку заводовъ — Усень-Ивановскаго, въ 30 отъ него verstахъ, и бывшаго Кургanskаго — гдѣ остались нынѣ только три избушки — на Сыртѣ(*), раздѣляющемъ долины Димы и большаго Ика, лежить озеро Ачулы, или какъ Башкиры, не выговаривающіе букву ч, его называютъ: Ассулы. Сѣверные берега его возвышаются исподволь довольно ровною степью; у восточной ихъ оконечности выступаетъ мысъ малый Нра; западные берега состоять изъ возвышающихся постепенно, къ вершинамъ рѣчки Чермасана, горъ; они кажуть вамъ, съ озера, хорошій видъ: они идутъ, постепенно возвышаясь, уступами; сѣверная ихъ половина, прилегающая къ степи, гола; южная образуетъ одеждою своею переходъ къ сосѣднему Усенскому лѣсу. Здѣсь видите вы, начиная отъ сѣвера, горы: Бурлы-тау, Бика-тюбе, Карапуль-тау, Кучляръ-кую, Келимъ-беть, Угузъ-

---

(*) Сыртъ — раздѣленіе водъ, возвышенность, раздѣляющая притоки двухъ рѣочекъ.

куль, Тиренъ-куль, Ташъ-бурунъ и Карагачъ. Съверныя горы, прилегающія къ степи, круты, поросли однимъ ковылемъ и выказываютъ расчесанныя буйнымъ вѣтромъ, округлыя къ озеру и нагія вершины свои, словно сѣдыя, полуплѣшивыя головы отжившихъ стариковъ; Бурлы-тау упирается въ озеро красною, глинистою пятою своею, мысомъ Зуръ-нра, большой Нра; Тиренъ-куль спускается волнистыми уступами, которые, близъ озера, называются Искизъ-ма; наконецъ Карагачъ, у которого за плечами огромный Усенъ-Ивановскій лѣсь, раскинуль передъ озеромъ Ачулы волнистую, уступистую грудь свою, и вынесъ еще на себѣ, по окраинѣ каждого уступа, лѣсистую опушку. Карагачъ, на сѣверо-западъ, подаетъ руку Угузъ-кулу, и у нихъ изъ-подъ мышекъ вытекаетъ рѣчка Курьятмасъ. Съ хребта Карагача видны лѣсистые Чармесанскія горы, на юго-западъ. На югъ и на востокъ отъ озера, вы опять видите одну волнистую степь; а въ полуверстѣ отъ озера уступъ

или увалъ. Юго–восточный берегъ солонецъ, весною топкій, лѣтомъ сухой. Такимъ образомъ озеро образуетъ продолговатую водную плоскость, длиною въ 7, ширину въ 5 верстъ, съ горбомъ по срединѣ, къ сѣверу, и съ двумя перехватами, отъ мысовъ большаго и малаго Нра. Глубина озера до 10 сажень на сѣверѣ, не подалеку, ауль или зимовка Чапай; на югѣ: Барангуль и Куръятмасъ, а вокругъ кочевки ауловъ: Кидрячъ, Барангуль и Мекешъ. На юго–западъ, въ березовомъ и липовомъ лѣсу, Усень–Ивановскій заводъ; а на р. Усенѣ есть и сосновый лѣсъ, единственный во всей окружности. Съ разсвѣтомъ, въ лѣтній день, густые туманы встаютъ съ Ачулы–куля, съ озера, и тянутся столбомъ, перегнувшись коромысломъ къ Усень–Ивановскому лѣсу, и лѣсъ походитъ издали на огромное дымовье, изъ котораго синій дымъ тянется, переваливаясь и постепенно разстилаясь, къ далекому озеру; около полудни Усенскій лѣсъ убрался и управился съ прическою своею, одѣлся

облаками или тучами, но незваный гость и закоснѣлый врагъ всякой прически, горный вѣтръ, растрепаль уже снова буйную голову Усеня, разогналъ волны кудрей ея во всѣ четыре стороны, и тучки быстро несутся по вѣтру, чтобы къ ночи снова пасть туманомъ на дремлющее озеро.

Но глубина и берега озера Ассулы непостоянны не потому, чтобы вешніе притоки его измѣняли, не потому, чтобы лѣтніе жары его сушили, и не потому, чтобы наносные пески, которыхъ здѣсь нѣть, его засыпали — а просто, потому, что въ озерѣ этомъ жила когда-то прихотливая Ундина, баловливая русалочка, которая хохайничала здѣсь по произволу, а теперь живеть еще, вѣчною жизнію; отецъ ея, падишахъ духовъ водяныхъ и подводныхъ. Онъ добръ, но угрюмъ и суровъ: онъ не играеть и не шалить, но онъ, негодуя на злыя дѣла и помышленія людскія и предвидя въ прозрачномъ царствѣ своеемъ всякую бѣду, какъ слѣдствіе дѣлъ и замысловъ нашихъ, вздымаетъ подвластную ему стихію, разливаетъ ее черезъ край и

грозить затопить окрестности; потомъ онъ стихаетъ, щадить неразумныхъ, озеро вступаетъ въ лоно свое и стоитъ спокойно въ берегахъ, доколъ новое событіе не встревожить падишаха; и стариkъ снова въ негодованіи своеmъ потряхаетъ косматою головою.

Озеро Ассулы или Ачулы, въ переводѣ открытое, бездонное, или можетъ быть вѣрнѣе, сердитое, въ самомъ дѣлѣ разливается и упадаетъ, прибываетъ и убываетъ, непостоянно, неравновременно, безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Башкиры увѣрены, что первое дѣлается только передъ какою нибудь бѣдою. Они сосчитываютъ вамъ по пальцамъ, не только событія отъ 1772 года по 1830 годъ, отъ Емельки Пугачева и до мятежа въ Польшѣ, не забывъ ни одной войны нашей, ни одного мѣстного или общаго для Имперіи бѣдствія, но прихватятъ ину пору такой старины, что послѣ, того событія или времени во всѣхъ уѣздныхъ городахъ нашей губерніи разъ по семи уже погорѣли всѣ архивы, и вамъ было бы не гдѣ навести справку ни о

событии, ни о тогдашнемъ состояніи озера Ачулы, если бы даже исправникъ и доносиль о послѣднемъ обстоятельствѣ тогда, какъ нынѣ, присовокупляя иногда, что озеро Ачулы-куль вздувается и прибываетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ и повидимому Божьею волей; ибо при обслѣдованіи дѣла ничего подозрительного не оказалось. У восточной оконечности озера тянется оврагъ, въ который заливается вода, когда озеро въ разливѣ.

На сѣверо-западъ отъ Ачулы, верстахъ въ 50 за вершинами рѣчекъ: Чурмасана, Чукады и Нугуша, лежитъ такое же дивное озеро Кандра, Кандра-куль. На югъ отъ него горы, съ рѣдкимъ лѣсомъ; на западъ обрывы и увалъ Каймой; тутъ же мысъ и островокъ, на которомъ Башкиры пасутъ лучшихъ коней своихъ, потому, что они здѣсь въ безопасности, даже и безъ пастуха; на сѣверѣ, песчаная кочковатая, поросшая травою покатость и далѣе степной кряжъ, уступъ; тутъ же тянется ровъ или оврагъ, отъ самаго озера до лощины рѣки Нугуша — и вода течетъ, во время разлива

озера, по этому рукаву; на востокѣ мочижина, болотце, далѣе холмистый увалъ. На Кандра-кулѣ стоять три аула или деревни, всѣ три Кандры; озеро бываетъ покрыто членоками рыболововъ: замѣчательно, что въ Кандра-кулѣ есть сомы, а нѣтъ вовсе карасей, а въ Ачулы, обратно, сомовъ нѣтъ, а карасей много. Отъ Кандра-куля на юго-западъ, саженяхъ во стѣ, въ горахъ, лежитъ озерцо Тюменеки, а изъ него течетъ рѣчка Тимошка и впадаетъ въ Кандра. И Кандра-куль составляеть еще часть владѣнія дяди Струя и прибываеть и убываетъ постоянно, одинаково и въ одно время съ Ачулы-кулемъ. Есть преданіе, что въ Кандра-кулѣ потонулъ когда-то конный Башкиръ, разгнѣвавшій чѣмъ-то царя влаги: долго Башкиръ пропадалъ безъ вѣсти, и наконецъ всплыть съ лошадью своею, мертвый, въ Ачулы-кулѣ. Умные старики похоронили его въ невѣдомомъ мѣстѣ, чтобы незваные посѣтители и любители тризны и поминокъ не нарушили покоя, не раздражили царя—нелюдима.

Но надобно, приступая къ дивному рассказу, кончить описаніе мѣстности. Юго-восточный берегъ Ассулы, за грязнымъ солонцемъ, окаймленъ степнымъ уваломъ, за которымъ вытекаетъ рѣчка Ачулы-удрякъ, одна изъ трехъ Удряковъ, составляющихъ главный или большой Удрякъ, впадающій въ Диму. Южнѣе Ачулы-удряка встрѣчаете еще увалъ или небольшой гребень, за которымъ вытекаетъ рѣчка Тюлякъ, также одинъ изъ притоковъ Димы. По лѣвому берегу Тюляка тянется невысокій хребеть, который верстахъ въ десяти обращается въ отдѣльныя волнистыя, довольно высокія ступени; юго-западный скать ихъ идетъ къ Тюляку, съверо-восточный образуетъ, обще съ горами: Каме-тау, Шаръ-чагыхъ и Карань-башъ, долину, среди которой возвышается, отдѣльно и одиноко, сахарная голова въ 50 или болѣе сажень, известная подъ именемъ Балканы. На правомъ берегу Тюляка, у вершинъ его, стоять двѣ такія же сахарные головы, но меньшаго размѣра; это Шайтань-сары и Санай-сары; здѣсь

происходила, когда–то, страшная битва Санай–Батыря съ Шайтанами: Санай–Батырь, преслѣдуемый множествомъ злыхъ духовъ, занялъ для защиты своей вершину одной горы, а Шайтаны, желая сбить его и вогнать въ долину, взобрались на другую. Санай не подался ни шагу: изстрѣлявъ всѣ стрѣлы свои и перебивъ множество Шайтановъ, онъ изломалъ самъ лукъ свой, закололся и легъ на мѣстѣ: и гора эта понынѣ показывается вамъ какъ могила Санай–Батыря.

Между Ачулы–кулемъ и Димою кочеваль въ древнія времена Ханъ–Самаръ — Ханъ, одинъ изъ сыновей Чингиса. У Самаръ–Хана былъ сынъ Зая–Тулякъ. Юный Князь былъ любимецъ отца и матери своей, прекрасной плѣнницы Русской, которая плакала и тосковала по милой отчинѣ своей, покуда не излила тоску и грусть свою въ новое существо и — забылась въ сынѣ. Зая–Туляка берегли и холили, какъ царскаго баловня и любимца; онъ былъ хорошъ какъ солнце, и не было на Димѣ достойной его луны. Завистливые

братья Туляка, сыновья другихъ жень Самаръ—Хана, озлобились, на баловня: чѣмъ онъ лучше нась, за что его холять, какъ зѣницу ока, не выпускаютъ за порогъ кибитки Ханской, между тѣмъ какъ нась заставляютъ нести службу и заботиться о суетахъ житейскихъ? развѣ мы не одной съ нимъ крови?

А Зая—Тулякъ думалъ въ это время: зачѣмъ мнѣ не даютъ воли — хочу воли, свободы, а не плѣну! За чѣмъ братья мои обѣзжаютъ свободно отцовскія земли, изъ края въ край, изъ конца въ конецъ, дерутся съ врагами и приводятъ ясырей, плѣнниковъ и плѣнницъ — а я сижу сложа руки? О если бы мнѣ была воля! я бы себѣ отыскалъ и взялъ и привезъ не такую плѣнницу какъ братья мои: я нашелъ бы дивную красавицу, неслыханную и невиданную.

Самаръ—Ханъ созвалъ приближенныхъ своихъ и велѣль имъ готовиться въ отъездъ: сыну моему Зая—Туляку сказалъ онъ: пора увидѣть свѣтъ. Пусть онъ увидить его въ первый разъ съ веселой,

радостной стороны, какъ долженъ видѣть его достойный внукъ Чингиса: забирайте съ собою лучшихъ соколовъ моихъ, ястребовъ, кречетовъ и беркутовъ; бейте утицу перелетную, бейте куртлуга, косача тетерева, напускайте беркута на лису и на волка: пусть потѣшается царскій отрокъ — но берегите его, какъ завѣтную душу свою.

Зая-Тулякъ, простиившись съ отцомъ и Ханомъ, сѣль на лошадь, и пышный поѣздъ тронулся. Вельможи работѣбствовали юному неопытному царскому сыну, доколѣ еще страшились проницательнаго ока Самаръ-Хана; удалившись же отъ Ханского кочевья, нагло смѣялись простотѣ и невѣдѣнію отрока бѣлой кости, и поднесли ему сову, которую поймали въ дуплѣ, вмѣсто отцевскаго кречета. Зая-Тулякъ, невидавши травли соколиной и незнавши ловчихъ птицъ, повѣривъ имъ на слово, пустилъ птицу свою на первую встрѣчную вереницу дикихъ гусей, тянувшихся клиномъ: птица взмыла выше гусей перелетныхъ, поджала машистыя плеча, ринулась клубочкомъ въ стаю, стрѣлою

ударились вправо, потомъ влѣво, опять вправо, зубчатымъ молniемъ промелькнула, ныряя каждый разъ сѣрому гусю подъ лѣвое крыло — и семь гусей сряду полетѣли кубаремъ на землю. Стая всполошилась, перемѣшалась въ одинъ клубокъ, поднялась столбомъ, гуси хотѣли забить крыльями дерзкаго непріятеля своего — но ловчая птица Зая—Туляка камешкомъ упала на хозяина своего, и сидѣла уже у него на правой рукѣ. Оказалось, что это была не сова, а дорогой бѣлый кречеть, и быль онъ лучше всѣхъ соколовъ царскихъ.

Злобные и завистливые братья Зая—Туляка, отпуская придворныхъ отцовскихъ, сказали имъ притчу: тѣсно тремъ отросткамъ рости на одномъ корнѣ, и мало имъ пищи; если бы подчистить и выкинуть одинъ, который ближе другихъ къ дуплястому дубу, такъ двумъ остальнымъ было бы попривольнѣе; перевели бы они духъ, и распустили бы широкія вѣтви, подъ которыми нашли бы со—временемъ тѣнь и нынѣшніе ихъ покровители. Придворные, да и самъ Кушъ—Беги, первый сокольничій — а

Кушъ-Беги, какъ и нынѣ напримѣръ въ Бохарѣ, былъ первый сановникъ государства — придворные промолчали; но когда заѣхали они съ Шахъ-Заде, съ сыномъ Ханскимъ, въ далекую сторону, и когда неудачная насмѣшка надъ Зая-Тулякомъ поставила ихъ самихъ въ дураки, между тѣмъ у Туляка оказался первый по царству кречеть, который побивалъ разомъ по семи гусей — тогда взяла людей этихъ злость и зависть: они вспомнили слова и обѣщаніе двухъ Князей, братьевъ Зая-Туляка, и стали совѣтъсовѣтоваться, какъ извести повѣренного имъ наслѣдника.

Зая-Тулякъ вышелъ въ свѣтлую, лунную ночь изъ парчеваго шатра своего, сѣль на земь и любовался Божиимъ міромъ, между тѣмъ какъ юлдаши его, спутники, думали что онъ давно спить; онъ услышалъ нечестивый совѣтъ вельможъ, и рѣшился бѣжать. Подкравшись потихоньку къ осѣдланному коню своему, сняль онъ съ него треногу, потрепалъ его, сѣль и поскакаль. Но въ станѣ сдѣлалась тревога,

закричали: Атланъ! на конь! погнались за Княземъ, и стали его настигать.

Подъ нимъ была лошадь породы Туль–Фарь; она сказала хозяину своему: ударь меня нагайкою трижды, и я тебя вынесу. Онъ ударила жеребца своего, и этотъ въ три скачки принесъ его на гору Карагачъ, къ озеру Ачулы. Погоня потеряла Зая–Туляка, и онъ спокойно легъ отдыхать, пустивъ Туль–Фара своего на траву. Конь его проскакалъ по степи въ такихъ широкихъ скачкахъ, что пустившися за Тулякомъ не могли выслѣдить его по измятой копытами травѣ: слѣды были затеряны.

Раскинувшись на одномъ изъ уступовъ Карагача, на которомъ, какъ показываетъ и самое название, въ тѣ поры росъ лиственичный лѣсъ, Зая–Тулякъ закрылъ очи, сталъ думать о томъ, куда ему теперь дѣваться, какъ вдругъ услышалъ онъ на берегу озера плескъ. Зая–Тулякъ сталъ присматриваться, легонько подходить, и его тянуло все ближе и ближе къ озеру. Онъ увидѣлъ, чего никогда еще не видаль: заря

занималась, востокъ алѣль, утренніе туманы развивались на поверхности Ачулы—куля — и среди тумановъ этихъ, какъ опутанная полупрозрачными тканями плескалась дѣва водъ, статная, гибкая, красоты неимовѣрной, во всей прелести дѣвственной полноты и миловидности. Она, не примѣчая Зая—Туляка, вышла на берегъ, сѣла, и стала расчесывать золотымъ гребнемъ черную косу свою, длиною въ сорокъ маховыхъ сажень. Зая—Тулякъ не смѣль дохнуть; наконецъ, когда она закинула косу свою назадъ, во всю длину, онъ кинулся со всѣхъ ногъ; русалка прянула, какъ пухъ отъ вѣтра, на зыбкую влагу — но Зая—Тулякъ держаль уже въ рукахъ своихъ шелковую косу, и не выпускалъ дорогую свою плѣнницу. Русалка, скрестивъ руки на груди, оборотила къ нему умоляющіе взоры — но они измѣнили дѣвственной жилицѣ подводныхъ чертоговъ: Зая—Тулякъ впился жаднымъ окомъ въ полуобращенное лицико, и держался за шелковую косу русалки, какъ юная, угасающая жизнь

хватается за преждевременно отлетающую душу. Русалка стала умолять Зая-Туляка: пustи меня, о сынъ плоти! пustи; я живу спокойно и безмятежно въ чертогахъ водныхъ, пustи, ради себя самаго; ты погубишь меня, но ты погубишь и себя! Когда же Зая-Тулякъ не уступалъ и самымъ убѣдительнымъ мольbamъ ея, а клялся слѣдовать за нею и на дно озера, — тогда русалочка обвила его своею мягкою косою и увлекла въ глубокія воды.

Зая-Тулякъ увидѣль на днѣ озера роскошные луга, по которымъ ходили кони, быстрѣе и красивѣе коня Туль-Фара; посреди муравчатаго луга стояла обширная, бѣлокаменная кибитка, устланная внутри дорогими коврами. Туда привела его русалка, обняла, заплакала и сказала: ты хотѣль этого — я твоя теперь; забудь прошлое, если можешь; не гляди на вольный свѣтъ, покуда меня любишь; сиди здѣсь, не выходи изъ кибитки моей — я теперь твоя!

Вскорѣ прїѣхалъ къ кибиткѣ алый всадникъ, въ аломъ чапанѣ, на аломъ конѣ,

съ алымъ оружіемъ и алымъ соколомъ на лукѣ сѣдла: это быль братъ русалки. Она спрятала Зая-Туляка въ свою дѣвичью половину кибитки, за парчевый пологъ. Алый братъ оглянулся въ кибиткѣ и сказалъ: сестра, здѣсь что-то пахнетъ человѣчимъ духомъ. Не мудрено, отвѣчала улыбаясь русалка; сами вы ъздите на охоту по горамъ и дебрямъ, самъ ты пріѣхалъ теперь съ лица земли, гдѣ живутъ люди, не мудрено тебѣ занести сюда и человѣческій духъ.

Немного погодя пріѣхалъ черный всадникъ: конь подъ нимъ вороной, чепань черный, шапка черная, оружіе черное и черный соколъ на передней лукѣ. Это быль отецъ русалки. Никакъ дочь, здѣсь пахнетъ человѣчимъ духомъ, сказалъ онъ. Не мудрено, батюшка, отвѣчала дочь; только мнѣ бы васъ обѣ этомъ спрашивать, а не вамъ меня. Вы пріѣхали съ лица земли, видно вы, или вороной конь вашъ на копытахъ своихъ, занесли сюда и духъ человѣчій.

Такъ русалочка таила отъ отца и брата любовь свою, и выпускала Зая—Туляка изъ за полога, только когда тѣ отъѣзжали на ловлю. Она приносила любимцу своему каждое утро и каждый вечеръ, свѣжаго кумызу, круту (*), салмы (**) и баранины, и поцѣловавъ своего суженаго, ставила передъ нимъ сытные яства и напитки.

Однажды алый всадникъ, братъ русалки, воротился домой рано, и услышалъ, подъѣзжая, говоръ людской. Онъ сталъ допытываться; сестра ему во всемъ призналась, и со слезами умоляла брата не сказывать отцу о преступной любви ея. Братъ побрианиль сестру, и сказалъ, что надобно обо всемъ объявить отцу: его власть, его и воля. Черный всадникъ пріѣхалъ, и братъ съ сестрою вмѣстѣ встрѣтили его, и рассказали все. Русалка говорила: я не искала его, я не хотѣла его, я бѣжала отъ него и скрылась въ завѣтное озеро — но онъ упорно

(*) Соленый, сущеный сыръ.

(**) Мучная болтушка.

держался за шелковую мою косу; я ушла на дно озера, и потянула его съ собою.

Черный всадникъ нахмурилъ брови — и вѣсть разнеслась на ханскомъ кочевьѣ, на Димѣ, что Ачулы-куль прибываетъ грозно разливаясь, и что быть бѣдѣ. Подумавъ и вздохнувъ, Падишахъ подводный вызвалъ Зая-Туляка, самъ же не ступалъ ногою въ завѣтный уголъ дочери, за пологъ, вызвалъ и распросилъ обо всемъ. Любитесь, сказалъ владыко Ачулы и Кандра-куля, любитесь, коли слюбились; тутъ дѣлать уже нечего. Тебя, дочь моя, бранить не за что: это твоя судьба. А ты, Зая-Тулякъ, слушай: не безчести дочери моей за то, что отдалъ я тебѣ ее безъ калыма, принеси ты въ калымъ невѣстѣ своей любовь да совѣтъ, и не скучай съ нею; а скучишься, быть бѣдѣ. Не ходи ты и на лицо земли: и тамъ не будетъ вамъ блага; а пойдешь, погубишь и себя и ее.

Но Зая-Тулякъ, съ той самой поры, стала скучать въ подводномъ теремѣ, въ кибиткѣ своего тестя. Русалка въ одно утро ушла за кумызомъ шипучимъ, а Зая-

Тулякъ вышелъ изъ кибитки и сталь оглядываться кругомъ. Озеро поднялось высоко, обмывало уже уступы Карагача, а сквозь зеленую влагу виднѣлись горы и лѣса, и вѣрный конь, Тульфарь, стоялъ на томъ же мѣстѣ, громко ржалъ и топталъ подъ собою землю. Туляку взгрустнулось: онъ вошелъ опять въ кибитку, но русалка, воротившись, глянула на него и залилась слезами. Ты выходилъ, сказала она, ты выходилъ — о, зачѣмъ ты меня ослушался!

Я хочу опять на вольный свѣтъ, сказалъ подумавъ Зая—Тулякъ; сердце усохнетъ, коли сидѣть вѣкъ свой въ тюрьмѣ этой. Русалка молчала и плакала потихоньку, про себя. Воротился и черный всадникъ, услышалъ обо всемъ что было, призадумался, и спросилъ Зая—Туляка: есть ли у тебя земля и вода? — «Земля моя Балкань—тау, отвѣчаль Князь, а вода Дима; и всѣ земли и воды, подвластныя Балкану и Димѣ, мое наслѣдье.» Ступай, сказалъ стариkъ, коли тебѣ здѣсь не живется; ты не сосунокъ, тебя силою держать нельзя.

Жена слѣдуетъ за мужемъ, а не мужъ за женой; это законъ. Русалка обвила мягкія руки свои вкругъ Зая-Туляка и сказала: бери меня, вези меня куда хочешь — я твоя. Въ первый и въ послѣдній разъ, сказываютъ, прослезился тутъ и самъ старикъ.

— Вотъ вамъ конь вѣрный, сказалъ онъ, садитесь и ступайте — Зая-Тулякъ, не забывай, если можешь, что ты отнынѣ самъ себѣ судья, а дочь моя твоя покорная рабыня. Дарю тебѣ, на обзаведеніе, на початокъ хозяйства, небольшое приданое: когда выплынешь изъ нашего озера, то скачи безъ оглядки, прямо на Балканъ, и не оглядывайся, поколѣ не будешь на Балканѣ, хотя бы за тобою небо треснуло и земля разсыпалась: зятю должно довольствоваться тѣмъ, что отъ тестя получить; а преждевременное любопытство ему нейдетъ.

Зая-Тулякъ подошелъ къ коню, русалка подала ему стремя, онъ сѣлъ, взялъ ее на колѣна и помчался. Зеленая вода вскипѣла бѣлымъ ключемъ подъ копытами доброго

коня, и, выбравшись на отлогій берегъ, пустился онъ стрѣлой къ Востоку, на Балкань. Зая—Тулякъ услышалъ за собою ржаніе, топотъ и страшный шумъ и плескъ въ волнахъ — онъ невольно оглянулся и только успѣлъ увидѣть, что изъ озера выплываетъ, слѣдомъ за жеребцомъ его, цѣлый табунъ отличныхъ коней. Но за Тулякомъ послѣдовали тѣ только лошади, которыя были уже на берегу; всѣ тѣ, которыя еще только было выплывали, потонули снова и исчезли въ ту минуту, когда Зая—Тулякъ оглянулся. Отъ этихъ—то лошадей, подарка Ачулынского падишаха, произошла порода лучшихъ Димскихъ, Башкирскихъ коней. Нынѣ порода эта перевелась и переродилась; нынѣшнія лошади хотятъ корму и съ трудомъ перемогаются зиму на тебеневкѣ (*), да на каизѣ, на рубленыхъ древесныхъ сучьяхъ: древняя порода, которою славились Димскіе Башкиры со временъ Зая—Туляка, бывали сыты съ одного гону, а корму не спрашивали.

(*) Подножный кормъ.

Молодой Князь съ русалкою поселились на Карагачъ, гдѣ Князь нашелъ и покинутаго коня своего, и жили они нѣсколько времени спокойно. Въ одно утро русалка, скучавшись въ озерѣ и расчесавъ долгую косу свою, поднималась на гору, какъ услышала, со стороны Димы, глухой конскій топотъ и завидѣла пыль. Чулое сердце ея не обмануло; она прибѣжала въ слезахъ къ Зая-Туляку и сказала: отецъ твой шлетъ за тобою погоню! Тулякъ думалъ было противиться силою, потомъ хотѣлъ бѣжать — но она умоляла его остаться, не спорить съ волей отцовской, слѣдовать за посланными, не говорить никому о тайной любви своей и воротиться на Карагачъ, когда и какъ будетъ можно. Бѣжать тебѣ некуда; говорила она, прошлаго не воротишь: на днѣ озера со мною уже по прежнему жить не можешь — это миновалось, какъ сонь!

Ханъ Самаръ-Ханъ, услышавъ отъ воротившихся вельможъ, что сынъ его бѣжалъ — о причинѣ этого побѣга придворные благоразумно умолчали —

послалъ сорокъ тысячи войска искать сына по цѣлому свѣту. Войско это приближалось теперь, и уже открыло слѣды новаго жилья молодаго князя; Зая-Туляка взяли и повезли къ отцу, а русалка, выждавъ на мысу Большой Нра приближеніе посланныхъ, кинулась съ крутаго берега въ озеро и исчезла.

Когда до Хана дошла вѣсть, что сынъ его найденъ, то онъ, сомнѣваясь въ любви его и приверженности, вздумалъ его испытать. Для этого Самаръ-Ханъ посадилъ въ кибиткѣ своей одного изъ подданныхъ въ великолѣпной одеждѣ на престолъ, а самъ, въ простомъ синемъ чапанѣ, сталь у дверей, передъ входомъ. Зая-Тулякъ, проходя мимо, узналъ отца, изумился, но вошелъ въ кибитку, гдѣ, какъ говорили ему, возсѣдаетъ Ханъ; поклонился мнимому Властелину и сказалъ: какъ измѣнчивы времена! прежній Ханъ стоитъ у порога, а бывшій рабъ сидить на престолѣ!

Самаръ-Ханъ, разгнѣванный равнодушіемъ и холодностію сына, велѣль

на мѣстѣ выколоть ему глаза и отвести снова на Карагачъ. Но вѣщій духъ русалки парилъ надъ несчастнымъ своимъ любимцемъ; палачи Самаръ-Хана не успѣли еще приступить къ сыноубійству, какъ совершилось чудо: Зая-Тулякъ, въ горести своей, закрылъ лицѣ руками, и глазное яблоко выкатилось изъ обоихъ глазъ цѣликомъ къ нему въ руки. Богъ отмстилъ за меня, сказаль Самаръ-Ханъ; палачамъ не надо было трудиться, и ослѣпленный сынъ Царскій былъ отвезенъ и брошенъ на произволъ судьбы на угорьѣ Карагача.

Вѣрная русалка, размотавъ шелковую косу, которую не чесала со дня отбытія любимца своего, стерегла уже и ожидала друга: она коснулась устами очей Зая-Туляка, дохнула на нихъ, и они снова ожили и заиграли по прежнему въ своихъ ямкахъ.

Лишь только Зая-Тулякъ прозрѣль, какъ стала онъ снова скучать бездѣйствіемъ своимъ и одиночествомъ. Пойдемъ жить на Балканъ, сказалъ онъ

своей русалкѣ; съ Балканы видно далече во всѣ стороны, мы будемъ знать и видѣть что гдѣ дѣлается, и это будетъ жилье, приличное Ханскому наслѣднику; Карагачь гора для меня мѣсто низкое.

Русалка заплакала; только молчаливой лунной ночи повѣрила она одинокую грусть свою, вышла на тихое озеро, любовалась серебрянымъ его отливомъ, сѣла на берегъ, на крутой мысъ, и тихо запѣла.

«Не лѣпите, пчелки, сотъ своихъ въ дикомъ бору: медвѣдь придетъ и выдереть, а вамъ покинеть дупло; не носите, русалочки, тихое блаженство свое въ люди: они попрутъ его ногами, а корысти имъ съ него будетъ мало.»

«Оглядывается красное солнышко съ заката на восходъ прошлый, да не воротится; не видать вечерней зарѣ зорюшки утренней! Оглядывайтесь, сестрицы, на свою зорюшку утреннюю — да не воротить вамъ ее, не любоваться ею въ другожды!»

«А дважды василекъ въ землю ложится: изъ земли вышелъ, и въ землю падеть

прахъ его. И ты не лучше василька небоцвѣтнаго: не выходить было на свѣтъ — а вышла, такъ набѣдуешься, поколѣ не приклониши головку къ лону родной матери!»

«Желна черная и бѣлая лебедки въ отлеть летять, а теплынь придетъ, опять домой къ родимому гнѣзду тянутся: а мнѣ, сиротѣ отъ живаго отца, мнѣ до вѣку не видать струй твоихъ, Ачулы-куль родимый, серебристый мой!»

«Прости, сказалъ мотылекъ родимому стебельку, родному, зеленому лугу, когда пришла пора, что подуль вѣтръ полунощный, заволокло заповѣдные луга сизымъ инеемъ; зазнобило мотылку летки и щупальце.»

«Прости, говорить свободнорожденная дочь Ачулы-куля родному озеру, Карагачу лѣсистому, Ташбуруну каменному, Тиренъ-кулу холмистому! Прости, говорить она роднымъ берегамъ, колыбели своей, Ачулы-озеру.»

Такъ русалочка поплакала одна надъ роднымъ озеромъ своимъ — а Зая-Туляку

она улыбалась. Они перекочевали на Балканъ; но едва успѣли они тамъ поселиться, какъ русалка на—разсвѣтѣ, снова послышала чуткимъ ухомъ своимъ топотъ конскій, завидѣла отдаленную пыль. Она прибѣжала къ князю своему, и молвила: «о Зая—Тулякъ! было время, когда я, послышавъ шумъ и топотъ, спѣшила схорониться въ волнахъ Ачулы—куля, и въ объятіяхъ вѣрной стихіи находила спасеніе, теперь ты щить и защита моя, и я надѣюсь только на грудь твою! но, Зая—Тулякъ, ты меня не спасешь на этотъ разъ, а кромѣ тебя у меня защиты нѣть! Слушай, князь мой: за тобою опять идутъ; повинуйся иди; искушеніе черезъ чуръ велико, ты не устоишь, и я тебя держать не хочу! Но, Зая—Тулякъ, помни послѣднія слова мои: сорокъ ночей я буду сидѣть здѣсь, на Балканѣ, и буду по тебѣ плакать; если ты не воротишься черезъ сорокъ дней и сорокъ ночей — тогда ты найдешь меня, какъ находятъ алый цвѣтъ на зеленомъ лугу, по которому прошло войско отца

твоего, Самарь-Хана: а затоптанный
цвѣтокъ не оживаетъ — это помни.»

Вельможи и войско подошли съ великими почестями къ Зая-Туляку, объявили, цвѣтистою рѣчью Востока, что душа отца его, Хана Самарь-Хана, воспарила по пути, указанному душами отшедшихъ въ рай Небесный великихъ праотцевъ, а народъ и войско зоветъ Зая-Туляка на Ханство.

Молодой Князь хотѣлъ оглянуться на свою дѣву водъ — но ее уже не было. Его посадили на покрытаго богатою попоною жеребца и повезли на Диму — а восемь нукеровъ шли во всю дорогу пѣшкомъ и вели по—очереди жеребца его подъ уздцы.

Справили, по закону, богатую тризну по отцѣ, Зая-Тулякъ принялъ старшинъ, посольство отъ народа, приглашавшаго его на Ханство. Народъ и войско качали молодаго Хана своего на рукахъ, и на рукахъ же, поднявъ выше головъ своихъ, возвели на Ханство: таковъ быль обычай. Шумная, многотысячная толпа пировала и ликовала стекшись, съ цѣлаго владѣнія;

берега Димы не могли помѣстить на себѣ безчисленнаго множества кибитокъ; земля стонала отъ топота конскаго и людскаго; солнце устало свѣтить пирующимъ и ликующимъ гулякамъ. Настала ночь, и огромные костры запылали; и солнце взошло снова, и костры еще дымились, кумызъ игралъ въ огромныхъ чашахъ, въ сабахъ и турсукахъ, чибызга напѣвала веселье.

А Зая–Тулякъ, посидѣвъ на престолѣ, соскучился по любимицѣ своей и тяжело вздохнулъ, когда, оглянувшись во всѣ стороны, увидѣль, что въ цѣломъ Ханствѣ его нѣть ровной, нѣть подобной. Ему наскучило быть и падишахомъ безъ нея, и онъ хотѣль уже отправить за нею пословъ — когда вспомниль, что завѣтный срокъ, сорокъ дней и сорокъ ночей, были уже на исходѣ. Онъ кинулся самъ на лучшаго скакуна своего, на которомъ вывезъ дѣву водь изъ Ачулы–Куля, и поскакалъ одинъ къ одинокому Балкану.

Скоро бѣжитъ конь подъ Зая–Тулякомъ — но какой конь обгонить

солнце, а какой конь воротить его на сутки и добѣжть вчера, коли поскакаль сего—дня? Зая—Тулякъ зоветь отчаяннымъ зовомъ дѣву свою, а она молчитъ, молчитъ потому, что мертвые не говорять. Не встанетъ алый цвѣтъ, не подыметъ онъ бархатной маковки своей, коли чрезъ лугъ прошло грозное войско Самаръ—Хана! Зая—Тулякъ нашель русалку свою на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее покинулъ, на вершинѣ Балканъ—Тау — но она лежала, какъ василекъ послѣ покоса.

Зая—Тулякъ выкопалъ булатнымъ копьемъ своимъ двуложную могилу на вершинѣ Балканы, и золотымъ шлемомъ своимъ выбиралъ изъ нея землю: положиль онъ въ могилу эту бѣлое тѣло дѣвы Ачулы—куля, закололся тѣмъ же копьемъ, и упалъ мертвый на вѣрную свою подругу.

Народъ и войско долго искали своего Хана, и засыпали его наконецъ землею въ изрытой имъ же самимъ могилѣ. Братья Зая—Туляка рѣзались за Ханство и всѣ погибли; съ тѣхъ поръ народъ утратилъ падишаховъ или Хановъ своихъ навсегда,

распался и разбрелся по отрогамъ и долинамъ Урала и сдѣлался безсильнымъ.

Стало быть Ачулы–куль и въ тѣ поры не даромъ взволновался, и залиль широко и далеко всѣ берега: Самарь–Ханъ выкололъ родному сыну своему глаза, потомъ могучій Ханъ скончался — а за нимъ погибли и Зая–Тулякъ, и бѣдная Русалка, Царевна Ачулы–куля, и братъ поднялъ руку на брата, и цѣлое Царство рушилось.

В. ЛУГАНСКІЙ.